

— Ни за что! — решительно возразил Цзян Ифэй. — Я хочу вознести его на вершину, чтобы внешне он сиял, а внутри страдал. Когда-нибудь я заставлю его стать на колени и петь о своей покорности!

Фу Сьюэ:

— ... Ты не в себе.

Фу Сьюэ с трудом подбирал слова и смотрел на Цзян Ифэя с неммым вопросом.

Цзян Ифэй, бесстыжий, самодовольно ухмыльнулся:

— Буду считать, что это комплимент!

Гу Шутун прикинул: видимо, Петух страдает от неразделённой любви, и это его извратило. Нормальный человек так не мыслит. Возвышать Чжэн Чэнсюня — ведь это же помощь ему, а не месть!

Фу Сьюэ обошёл с Гу Шутуном всю съёмочную группу, с серьёзным видом представляя каждого.

— Это режиссёр Чжан. Пипи, лапу.

Режиссёр Чжан, лысый и улыбочивый, протянул свою пухлую ладонь. Гу Шутун послушно положил на неё лапу.

— Это сценаристки Чжао и Ян. Лапу.

— Это продюсер.

— Это...

— Это...

Гу Шутун понадавал лап направо и налево, от скуки и усталости разлёгся на руках у Фу Сьюэ и не желал шевелиться. Как раз в этот момент Фу Сьюэ остановился перед Чжэн Чэнсюнем.

— А это, — Фу Сьюэ сделал паузу, — исполнитель главной роли.

Чжэн Чэнсюнь неловко протянул руку. Гу Шутун закатил глаза, всё ещё задетый за живое, и проигнорировал его.

— Что, устал? Лапу. — Фу Сьюэ взял его лапу и потряс, но Гу Шутун лишь глубже зарылся мордой в сгиб его локтя и замер.

Рука Чжэн Чэнсюня одиноко повисла в воздухе, создавая неловкую паузу. Фу Сьюэ, небрежно махнув рукой, едва коснулся его ладони кончиками когтей Гу Шутуна, прежде чем тот успел её убрать.

Окружающие на мгновение затихли, затем, проявив такт, громко перевели разговор на другие темы, принявшись нахваливать послушание Гу Шутуна. Фу Сьюэ с достоинством принял все комплименты.

Фу Сьюэ не любил острое, а неострые блюда здесь готовили пресно, да и продукты были не

лучшего качества. Отведав пару кусочков, он оставил тарелку. Гу Шутун любопытно понюхал — дома готовили вкуснее — и тоже, потеряв интерес, убежал.

После обеда небо затянуло тучами. Фу Сьюэ надел маску и отправился с Гу Шутуном на руках прогуляться по городку.

Городок был крошечным. Большинство домов — трёх- или четырёхэтажные, построенные самими жителями. Вдоль узких улочек стояли лотки: с овощами, игрушками, одеждой. Центр был чуть оживлённее, народ сновал туда-сюда, имелись и магазины, и забегаловки, правда, выглядело всё довольно просто, без особого шика.

Городок опоясывала вода, его насквозь прорезала изумрудная река. Зимой уровень воды упал, течение почти замерло, и она походила на неподвижную зелёную ленту.

Гу Шутун дрожал как осиновый лист. Фу Сьюэ закутал его в свою толстую куртку, так что наружу выглядывала лишь морда.

Хорошо, что одежда Фу Сьюэ была свободной, иначе подростка Гу Шутуна и не спрятать бы. Но куртка оттого здорово раздулась, и весь брутальный образ Фу Сьюэ развеялся как дым.

Гу Шутун уже не был щенком — его размеры приближались к взрослой собаке. Устроившись на Фу Сьюэ, он тянулся от его подбородка до самого бедра. Если бы не слепая любовь хозяина, мало кто стал бы носить на руках пса таких габаритов.

Члены съёмочной группы в душе тоже удивлялись: такой матёрый человечище — и так нянчится с собакой! Такая уже большая, а он всё на руках таскает. Глядя на огромных псов, привязанных у ворот и продрогших до соплей, невольно вздыхали: вот уж воистину — собаке собачья рознь.

Один лишь Гу Шутун пребывал в блаженном неведении, совершенно не осознавая, что вырос. Он по-прежнему считал себя щеночком, только-только отлучённым от матери. Фу Сьюэ же был силён, носил взрослого пса без намёка на одышку, да и мысли не допускал, чтобы перестать его брать на руки. В его глазах Гу Шутун, сколько бы ни вымахал, оставался тем самым маленьким щенком, который только и умеет, что поскуливать.

На следующий день вся процессия двинулась в горы. Гу Шутун, прилипнув к окну, с любопытством разглядывал бесконечные горные цепи и клубящийся среди вершин туман. Здесь было куда выше, городок внизу казался россыпью рисовых зёрен. Облака висели так низко, будто до них можно было дотянуться рукой.

Сперва Гу Шутуну было интересно, но вскоре зрелище наскучило, и он отправился обратно в объятия Морфея.

Цзян Ифэй стукнул его по голове:

— Целый день только жрёшь да спишь. Ты собака или свинья?

Гу Шутун хмыкнул, спрятал башку под куртку Фу Сьюэ и сделал вид, что оглох.

Фу Сьюэ, улыбаясь, погладил его через ткань.

— Собак не стоит слишком баловать, — сокрушённо заметил Цзян Ифэй. — Глянь на него — уже какой здоровенный, а ты всё на руках таскаешь.

Фу Сюэ сохранял невозмутимость буддийского монаха, оставаясь глух к любым доводам. Цзян Ифэй покачал головой:

— Интересно, во что превратятся твои будущие дети, если ты и пса-то так избалуешь.

Дороги в деревне были проложены самими жителями — всего лишь наскоро пробитые тропы, даже без намёка на асфальт. Машину трясло на ухабах, Гу Шутуна подбрасывало на сиденье, и, если бы не крепкие руки Фу Сюэ, его бы точно вышвырнуло наружу. Его слегка укачало, и он, страдальчески заныв, уткнулся в грудь Фу Сюэ, вдыхая знакомый запах его одежды.

Цзян Ифэйю тоже было несладко. Хотя он уже не раз ездил по этим дорогам, пятую точку всё равно отбивало в хлам. На мгновение ему даже захотелось превратиться в собаку и спрятаться в человеческих объятиях.

Выйдя из машины, Цзян Ифэй с видом полного истощения сообщил Фу Сюэ:

— Теперь ещё немного пешком...

Фу Сюэ: «...»

Честно говоря, у Фу Сюэ тоже побаливало ниже спины, но терпеть ещё можно было.

Он поднял глаза на заснеженные зелёные горы, не в силах представить, как среди этой бескрайней чащи может кто-то жить.

Гу Шутун, вдохнув полной грудью свежего воздуха, почувствовал себя лучше и после недолгой борьбы попытался сползти на землю. Но Фу Сюэ крепко держал его:

— Земля грязная. Если слезешь — обратно на руки не возьму.

Гу Шутун прикинул: впереди неизвестно сколько идти, а побегать по земле ещё успеется. Пожалуй, пока останусь.

Широкая дорога закончилась, дальше шла лишь узенькая тропинка, протоптанная ногами. Путь был неровным, а от растаявшего снега земля превратилась в липкую грязь, в которой нога утопала по самую икру — вытащить было нелегко.

Гу Шутун внимательно изучил обстановку и внутренне возликовал: «Хорошо, что не спустился. Я умница, ха-ха-ха!»

Когда сумерки окончательно сгустились, они наконец добрались до места съёмки.

Место и впрямь было захолустным. Стены — из деревянных досок, исчерченных следами непогоды, черепица на крыше лежала кое-как. Гу Шутун был готов поспорить, что в доме течёт.

Местные жители оказались радушными и пригласили всех поужинать.

В гостиной горела тусклая лампочка, свет был совсем неярким. Старый диван стоял вокруг большой печки, а сиденья просели от долгого пользования. Вся мебель была в старомодном стиле, но в целом в доме царил чистота.

На большой железной печи расставили довольно обильное угощение, правда, приготовленное в чугунке, оно выглядело не слишком аппетитно.

Когда вся компания вошла, гостиная стала тесновата, пришлось усаживаться впритык. Фу Сьюэ, взглянув на посеревший от времени диван, помедлил и выбрал деревянный стул. Стул был низким и маленьким, при малейшем движении противно скрипел.

Фу Сьюэ, с его длинными ногами, сидеть было неудобно, да и вытянуть их было некуда, так что пришлось съёжиться.

За едой он взял палочки, с которых почти полностью стёрся узор, долго выбирал и наконец подцепил пожухлый овощной лист, не решаясь отправить его в рот.

Гу Шутун, обнюхивая воздух, находил, что пахнет вроде неплохо, вот только вид не очень. Аппетита у него сегодня не было, так что он просто растёкся по Фу Сьюэ и наблюдал, как все неспешно едят.

Деревенская печка пылала жарко, и, если подойти близко, становилось совсем невмоготу. Гу Шутуну казалось, что его лапы вот-вот поджарятся, и он изо всех сил пытался зарыться под куртку Фу Сьюэ.

Хозяева смотрели на это диковинное зрелище и покатывались со смеху, говоря на ломаном путунхуа:

— Забавный пёсик! Избалованный совсем. У нас тоже дворняга, А-Фу, но её так на руках никто не носит.

А-Фу была крупной чёрной собакой. Услышав своё имя, она тявкнула.

Гу Шутун повернул голову на звук. А-Фу, на ошейнике, сидела на привязи в углу и с любопытством разглядывала его.

— Гав! — Ты кто такой?

— Гав-гав-гав! — Как это тебя ещё и носят? Не стыдно?

Гу Шутун: «... Гав-гав-гав!» — Не твоё дело!

Гу Шутун был настроен недружелюбно и не собирался вступать в диалог.

— Гав-гав-гав! — Давай поболтаем хоть немного!

— Гав-гав-гав-гав-гав! — Красавчик же ты! Суки таких обожают!

Гу Шутун: «... Спасибо, пас».

<http://bllate.org/book/15954/1426734>